нутой супруги.[79] Рогнеда же жалуется Владимиру не так, как в летописи, на порабощенную землю, а напоминает ему только об ужасной смерти своих родных.

Следует выяснить, с какой точки зрения поэты пушкинского времени в свою очередь воспринимали эти женские образы.

Образу Ольги еще в XVIII в. были посвящены одноименная трагедия Я. Б. Княжнина (ок. 1772 г.) и анонимное стихотворение в стиле Оссиана «Ольга при гробнице Игореной».[80]

Дума Рылеева «Ольга при могиле Игоря» направлена против злоупотреблений княжеской властью. Рылеев изображает Ольгу в роли воспитательницы молодого Святослава, которому она указывает на необузданную страсть его отца Игоря как на ужасающий пример:

«Вот, Святослав, к чему ведет
Несправедливость власти;
И князь несчастлив и народ,
Где на престоле страсти.
. . . . . .
Отец будь подданным своим
И боле князь, чем воин».[81]

У Рылеева Ольга показана после того, как она утолила свою жажду мести убийцам мужа. Мщение, занимающее большое место в предании, отходит на задний план, и Ольга может предаться ретроспективной оценке деяний Игоря. Идейно-политической целью Рылеева, которого интересовала только критика современного ему абсолютизма, объясняется то обстоятельство, что он вразрез с историческим преданием рассматривает стяжательство Игоря как мотив рокового решения — вновь востребовать с древлян дань. Благодаря тому что он ограничивает мудрость Ольги главным образом воспитательным ее влиянием на сына, и это до некоторой степени смягчает народно-эпические черты предания, ее образ получает просветительно-гуманистический оттенок. Выбор места действия — могильный курган Игоря — создает типичную для сентименталистской поэзии атмосферу, которая в особенности выражена в начале думы («осенний ветер», «над мрачными холмами», «седой туман» и т. д.).

Дума «Рогнеда» в известной мере согласуется с думой «Ольга при могиле Игоря». И там и здесь мать представляет своему сыну предков. Но если в предшествующей думе Игорь должен был внушить сыну ужас, здесь, наоборот, Рогволод служит примером. Причем весьма знаменательно, что эта воспитательная функция обеих матерей является художественным вымыслом поэта-декабриста. Это особенно характерно для думы «Рогнеда»:

«Пусть Рогволодов дух в тебя
Вдохнет мое повествованье;
Пускай оно в груди младой
Зажжет к делам великим рвенье,
Любовь к стране твоей родной
И к притеснителям презренье».[82]

В обеих думах князь, который воспринимается преимущественно как герой, но посягающий каким-либо образом на общественные интересы

---

[79] Н. М. Карамзин, т. I, гл. IX.
[80] Иппокрена, 1800, ч. 6.
[81] К. Ф. Рылеев, стр. 78. Эта строфа запрещалась цензурой. Ср.: Литературное наследство, т. 59, стр. 19 сл.
[82] К. Ф. Рылеев, стр. 85